

ТЕЛЕВИДЕНИЕ

Виктория Шохина

ПЕРВЫЙ фильм об Александре Солженицыне прошел в 92-м году по первому каналу ТВ. Снимал его Станислав Говорухин в США, и телезрители могли увидеть то, что для них тогда было тета *incognita*: быт и бытие вермонтского отшельника. Пожалуй, самое яркое впечатление, врезавшееся в память, — это рабочее место писателя, оборудованное на тюремный лад. Лесистый участок вермонтской усадьбы, огороженный высоким забором. Говорухин (в белом пиджаке) галантно подает руку Наталье Дмитриевне при переходе через ручей, задавая светский вопрос: «Вы бывали на Ниагаре?»...

Изключительное право на съемку своего возвращения на родину в 94-м Солженицын передали британской компании Би-би-си. Западные тележурналисты добровольно отсняли весь этот грандиозный проезд через города и веси России, с востока на запад. Фильм оказался неожиданным — с деталями и подробностями, которые вносили в ожидаемый торжественный тон курьезные мотивы. Наверное, англичане работали слишком добровольно.

Еще один сюжет, связанный с темой «Солженицын и телевидение», — это его собственные выступления на ОРТ, которые шли с апреля по сентябрь 95-го года и внезапно исчезли, что вызвало

Аля (Наталья Дмитриевна).

результаты Запада, а Валентину Распутину заткнули сегодня рот, — все равно интересно. Ибо о литературе говорит он живо и убежденно. Литература наша под влиянием Гоголя упустила линию сози-дателя. А Салтыков-Щедрин «уже был горицей просто... Ну что это», — добавляет огорченно.

Это куда интереснее неопределенных разговоров о добра и зле, о жестокости, о нравах — разговоров, напоминающих пародию на типично русский разговор из некоего романа XIX века...

Заканчивает фильм Сокуров странным вопросом: «У вас старши или моложе вас». Поразмыслив, Солженицын честно признается: «Не могу ответить».

Фильм Сокурова условен по изображению и безусловен в своем пафосе. Впрочем, к житию нельзя предъявлять требований полноты, детальности и реализма рассказа. Кроме конкретной музыки, саундтрек обеспечивает оркестры под управлением Евгения Мравинского и Евгения Колобова, а также пианист Игнат Солженицын. Оживляют фильм цитаты из прежних работ Сокурова.

БЕРЕГА ДОСТОВЕРНОСТИ

Создатели сериала «Жизнь Солженицына» (НТВ, 07-10.12.98) пошли по другому пути. Прежде всего они отказались от агиографии, не утратив при этом ни капли писета по отношению к Солженицыну. Фильм оснащен богатым «аппаратом»: хроника разных лет, съемка мест, связанных с жизнью Солженицына, карты,

благополучного изгнанья я снова чувствую покров. Но, сердце, как бы ты хотела, чтоб это вправду было так: Россия, звезды, ночь расстрела и весь в черемухе овраг! (Кстати, можно было снять эпизод о невстрече Набокова и Солженицына.)

Авторы сериала стремятся к предельной точности, указывая время и место того или иного события, а также его действующих лиц. Так, когда речь идет о войне, показываются кадры из документального фильма тех лет «Восточная Пруссия». И обязательно дается пояснение, что это было Второй Украинский фронт.

Есть в фильме и эксклюзивные интервью, например, с дочерью эстонца Арнольда Сузи, лубянского сокамерника Солженицына. «Если он выживет, будет известен», — сказал когда-то Хели отец Показан хутор Хава под Тарту, который стал, по самовитому слову Александра Исаевича, его укрытием — там он работал над «Архипелагом ГУЛАГ».

Показаны и другие места, которые могут считаться укрытиями, — глинистая хата в Кок-Тереке, в казахской ссылке. Матренин двор в Мильтце Владимира области — показано и место, где погибла Матрена... А вот дом в Касимовском переулке в Рязани. Дача Чуковских на Педрелике. И многое, многое другое...

Есть эпизод веселые — вроде рассказа Солженицына о следователе, который обещал вести допрос всю ночь, а сам (к радос-

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗМА

Новые телефильмы об Александре Солженицыне *Невысокий газета. — 1998, — 11 дек, — с. 12*

огорчение одних и удовлетворение других.

К 80-летию писателя готовились несколько фильмов: «Узел» Александра Сокурова, «Изгнаник» Олеси Фокиной и «Жизнь Солженицына» Александра Парфенова, Алексея Пищулина и Юрия Прокофьева.

«Изгнаник» заказал НТВ, потом отказалось, и после каких-то сложных переговоров фильм был поставлен в сетку вещания ВГТРК 4 декабря в 21.50, в одно время с «Узлом» Сокурова на ОРТ. Однако проблема выбора, которая могла мучить телезрителей, разрешилась сама собой — в тот день в конце программы «Вести» Михаил Пономарев зачитал просьбу Солженицына о снятии «Изгнаника» с эфира.

ПО КАНОНАМ ЖИТИЯ

«Узел» Александра Сокурова сосредоточен преимущественно на Солженицыне, и только на Солженицыне (чем отчасти напоминает сокуровскую же «Советскую элегию» (1989), посвященную Борису Ельцину). Это любопытный образчик сокуровской агиографии — жития, для которого, согласно законам жанра, важна не конкретика или привязка к реальным обстоятельствам, а пафос и эмоции. Важен месседж. Прочее более или менее условно. Это не означает отсутствия правды жизни — просто жизненные обстоятельства подаются Сокуровым в несколько отвлеченном, призрачном виде. Он, например, не говорит о том, где именно капитан Солженицын вынужден был закончить войну, а говорит так: «К концу войны он уже капитан. И — абсолютно разбуженная душа». Здесь, по мысли автора (следующей, впрочем, путем мысли Солженицына), и начинается путь к праведности, к святым. Тут же возникает тема испытаний и мученичества. «Контрразведчикам надоело читать его вольные письма к другу»...

Герой, как и положено, одинок в мире. Против него «глупость правителей, смертельный недуг, молчание миллионов свидетелей, зависть цеха». За него лишь трусливые и любовь к Родине. Вот путеводная нить «Узла». Время от времени возникает фотография, взятая в ладонь, — Солженицын на Марфинской шарашке, снятый (для внешнего мира) в казенном костюме. Быстрая прогулка по значимым вехам биографии — по тем, что делают судьбу. Говоря о высоких в далекий казахский аул, Сокуров не называет место — для него важнее само ощущение заброшенности на край света и страшные слова приговора — «На вечное поселение».

В патетическом тоне он рассказывает о характере героя: «Мужество его столь велико, жизненная пытливость столь бескорыстна, что он, находясь раковой болонице, изучает онкологию. Читает много. Пишет, пишет...» Подчеркивается благосклонное участие высших сил в судьбе: «И кажется, сам Бог наблюдал его в эти месяцы и, взглянув его, облизал и дальше нести самую тяжелую ношу. Он спас его». Чудеса, как известно, удостоверяют святость праведника и стяжание им Духа Божия.

У современного праведника неминуемо должна быть надежная опора. На экране миловидное умное лицо, удивительно чистые глаза — юная Аля, Наталья Светлова. Может даже показаться, что до их встречи жизни героя женщин не было... «Она мой самый верный помощник», — говорит Солженицын про жену и проводит рукой по книгам, — каждую буковку здесь переписала».

Никита Хрущев и Александр Твардовский в Пицунде. Здесь первому секретарю ЦК читали вслух «Ивана Денисовича».

Настоящий, хороший брак — это прежде всего дети. О сыновьях Солженицына Сокуров говорит подробно: русские мальчики, которые росли в провинциальном Вермонте. Герой у доски дает сыновним уроки... Ермолов — синолог, Игнат — пианист, Степан — градостроитель...

Трагическая нота — гибель Мити, сына Натальи Дмитриевны от первого брака. Крупным планом Митя. Потом Аля... Сын и мать. Шум поезда, птичий крик... Возникает тема воздействия за праведную и подвигническую жизнь: «У многих родителей, глядя на эту фотографию, заболтут сердце от несчастной судьбы своей и своих детей. Но многие ли готовы были в свое время принять трудное решение и следовать ему?»

Жизнью праведника правит нечто выше: «Прорицание внушило ему: он при жизни вернется в Россию».

Стопка из десяти томов «Красного колеса». В судьбе праведника заложено еще одно страшное испытание — быть неуслышанным: «не прочитали... не заметили... — говорит Сокуров. — Кто знает — может, боятся заглянуть в свое невеселое будущее?» Мир должен испытывать чувство вины перед героям, и Сокуров настойчиво подвигает нас на это: «Не знаю, как у вас, у меня было чувство вины... У меня было чувство вины, что нам нечем его встретить».

Разговор с мудрой Натальей Дмитриевной — своего рода рамка фильма; он вбирает в себя все происходящее здесь, в деревенском доме в Троице-Лыкове, все, что было и происходило прежде. Сокурову важна и нужна идея героя, никем не понятого праведника, которому никто не помогает... «Много народу нам помогло», — возражает жена Солженицына. — Много помогло». Правда, Сокуров все-таки заставляет ее вспомнить о братьях-писателях, в свое время промолчавших, etc. Агиография набирает силу: «Интеллигенты, народ не замечают самого существования великого современника, который знает ответы на все вопросы». Метель. «Кажется, Ахматова сказала о нем: светоносец». Карточка на ладони, ландыш в стакане...

Во время прогулки среди дерев-

ьев Сокуров смотрит на своего героя не столько почтительно, сколько заикающа. Да и вопросы задает наивные до глупости — такие, что писатель на них явно не хочется отвечать. Контакта не получается. Сокуров: «Дерево — самое совершенное, что есть в мире... Солженицын коротко: «Да, вы правы. В этом есть совершенство». Оживает писатель, лишь вспоминая сюжеты своих «крохотов» — липу, разбитую молнией, крик петухов. Впрочем, один нелепый вопрос: «А морозы бывают здесь?» (будто Сокуров приехал в незнакомую страну!) — провоцирует воспоминание о том, как возник замысел «Ивана Денисовича» — тогда зек Ш-262 клал кадку в Экибастузе при морозе 35 градусов...

Самые впечатляющие кадры — писатель за рабочим столом. Здесь Сокуров укрывает агиографию эстетическим натурализмом и столь любимым им долгим кадром. На весь экран — что-то волнистое, время от времени тяжело вздыхающее, шевелящееся, как необычное, сказочное животное. Это борода и усы писателя. Вздох, опять вздох, идет работа. Быстро движущийся глаз в необычном ракурсе — например, саженый, цепкий, ровный почерк. Покашливание, скрип стула — конкретная музыка бытия.

Самые впечатляющие кадры — писатель за рабочим столом. Здесь Сокуров укрывает агиографию эстетическим натурализмом и столь любимым им долгим кадром. На весь экран — что-то волнистое, время от времени тяжело вздыхающее, шевелящееся, как необычное, сказочное животное. Это борода и усы писателя. Вздох, опять вздох, идет работа. Быстро движущийся глаз в необычном ракурсе — например, саженый, цепкий, ровный почерк. Покашливание, скрип стула — конкретная музыка бытия.

Самые впечатляющие кадры — писатель за рабочим столом. Здесь Сокуров укрывает агиографию эстетическим натурализмом и столь любимым им долгим кадром. На весь экран — что-то волнистое, время от времени тяжело вздыхающее, шевелящееся, как необычное, сказочное животное. Это борода и усы писателя. Вздох, опять вздох, идет работа. Быстро движущийся глаз в необычном ракурсе — например, саженый, цепкий, ровный почерк. Покашливание, скрип стула — конкретная музыка бытия.

Самые впечатляющие кадры — писатель за рабочим столом. Здесь Сокуров укрывает агиографию эстетическим натурализмом и столь любимым им долгим кадром. На весь экран — что-то волнистое, время от времени тяжело вздыхающее, шевелящееся, как необычное, сказочное животное. Это борода и усы писателя. Вздох, опять вздох, идет работа. Быстро движущийся глаз в необычном ракурсе — например, саженый, цепкий, ровный почерк. Покашливание, скрип стула — конкретная музыка бытия.

Самые впечатляющие кадры — писатель за рабочим столом. Здесь Сокуров укрывает агиографию эстетическим натурализмом и столь любимым им долгим кадром. На весь экран — что-то волнистое, время от времени тяжело вздыхающее, шевелящееся, как необычное, сказочное животное. Это борода и усы писателя. Вздох, опять вздох, идет работа. Быстро движущийся глаз в необычном ракурсе — например, саженый, цепкий, ровный почерк. Покашливание, скрип стула — конкретная музыка бытия.

Самые впечатляющие кадры — писатель за рабочим столом. Здесь Сокуров укрывает агиографию эстетическим натурализмом и столь любимым им долгим кадром. На весь экран — что-то волнистое, время от времени тяжело вздыхающее, шевелящееся, как необычное, сказочное животное. Это борода и усы писателя. Вздох, опять вздох, идет работа. Быстро движущийся глаз в необычном ракурсе — например, саженый, цепкий, ровный почерк. Покашливание, скрип стула — конкретная музыка бытия.

Самые впечатляющие кадры — писатель за рабочим столом. Здесь Сокуров укрывает агиографию эстетическим натурализмом и столь любимым им долгим кадром. На весь экран — что-то волнистое, время от времени тяжело вздыхающее, шевелящееся, как необычное, сказочное животное. Это борода и усы писателя. Вздох, опять вздох, идет работа. Быстро движущийся глаз в необычном ракурсе — например, саженый, цепкий, ровный почерк. Покашливание, скрип стула — конкретная музыка бытия.

Самые впечатляющие кадры — писатель за рабочим столом. Здесь Сокуров укрывает агиографию эстетическим натурализмом и столь любимым им долгим кадром. На весь экран — что-то волнистое, время от времени тяжело вздыхающее, шевелящееся, как необычное, сказочное животное. Это борода и усы писателя. Вздох, опять вздох, идет работа. Быстро движущийся глаз в необычном ракурсе — например, саженый, цепкий, ровный почерк. Покашливание, скрип стула — конкретная музыка бытия.

Самые впечатляющие кадры — писатель за рабочим столом. Здесь Сокуров укрывает агиографию эстетическим натурализмом и столь любимым им долгим кадром. На весь экран — что-то волнистое, время от времени тяжело вздыхающее, шевелящееся, как необычное, сказочное животное. Это борода и усы писателя. Вздох, опять вздох, идет работа. Быстро движущийся глаз в необычном ракурсе — например, саженый, цепкий, ровный почерк. Покашливание, скрип стула — конкретная музыка бытия.

Самые впечатляющие кадры — писатель за рабочим столом. Здесь Сокуров укрывает агиографию эстетическим натурализмом и столь любимым им долгим кадром. На весь экран — что-то волнистое, время от времени тяжело вздыхающее, шевелящееся, как необычное, сказочное животное. Это борода и усы писателя. Вздох, опять вздох, идет работа. Быстро движущийся глаз в необычном ракурсе — например, саженый, цепкий, ровный почерк. Покашливание, скрип стула — конкретная музыка бытия.

Самые впечатляющие кадры — писатель за рабочим столом. Здесь Сокуров укрывает агиографию эстетическим натурализмом и столь любимым им долгим кадром. На весь экран — что-то волнистое, время от времени тяжело вздыхающее, шевелящееся, как необычное, сказочное животное. Это борода и усы писателя. Вздох, опять вздох, идет работа. Быстро движущийся глаз в необычном ракурсе — например, саженый, цепкий, ровный почерк. Покашливание, скрип стула — конкретная музыка бытия.

Самые впечатляющие кадры — писатель за рабочим столом. Здесь Сокуров укрывает агиографию эстетическим натурализмом и столь любимым им долгим кадром. На весь экран — что-то волнистое, время от времени тяжело вздыхающее, шевелящееся, как необычное, сказочное животное. Это борода и усы писателя. Вздох, опять вздох, идет работа. Быстро движущийся глаз в необычном ракурсе — например, саженый, цепкий, ровный почерк. Покашливание, скрип стула — конкретная музыка бытия.

Самые впечатляющие кадры — писатель за рабочим столом. Здесь Сокуров укрывает агиографию эстетическим натурализмом и столь любимым им долгим кадром. На весь экран — что-то волнистое, время от времени тяжело вздыхающее, шевелящееся, как необычное, сказочное животное. Это борода и усы писателя. Вздох, опять вздох, идет работа. Быстро движущийся глаз в необычном ракурсе — например, саженый, цепкий, ровный почерк. Покаш